

XXX

Завтра!

Я думаю, что в нашем распоряжении осталось каких-нибудь несколько часов, чтобы успеть обнять близких, наскоро составить, – если стоит того, – завещание и приготовиться к тому, чтобы предстать с подобающим видом перед карательным отрядом.

До чего же я все-таки испорчен! Мне хочется, перед тем как отправиться к праотцам, по-царски пообедать. Я имею полное право прополоскать себе горло и освежить сердце несколькими стаканчиками старого вина, прежде чем мне снимут голову или начнут кишки свинцом.

Коммуна не пострадает от таких пустяков!.. А мне посчастливится умереть сибаритом, после того как я прожил всю жизнь жалким бедняком.

– Госпожа Лавер! Пожалуйста, бутылочку нюи, колбасы с картофелем, миндальное пирожное за сорок су, – я захвачу его с собой, – и варенье, то, что стоит на шкафу, вы знаете... Ваше здоровье, господа!

Я недурно провел там часок. Бургонское было в меру подогрето, колбаса жирна, пирожное сладко.

– Еще рюмочку коньяку?

– Ну нет! Я не хочу, чтобы голова была тяжелой!

Бросаю салфетку и берусь за шляпу.

Мы пробираемся вместе с Ланжевеном[197] в ту сторону, где, как нам сказали, находится Лисбон[198].

Версальские ворота

– Здесь, господин полковник!

– Отлично. Бойцы будут рады видеть правительство в своих рядах. Всё в порядке, все необходимые меры приняты; а сейчас я падаю от усталости и хочу вздремнуть где-нибудь в

сторонке. Послушайте меня и сделайте то же самое; не стоит выбиваться из сил раньше времени.

Мы следуем его совету и, подложив под голову патронташи, располагаемся каждый на своей куртке. Неподалеку на носилках, жуткий в своем небесно-голубом одеянии, лежит, вытянувшись, ординарец Лисбона, тюркос, изувеченный накануне ядром; его разбитый череп точно изгрызен крысами.

Я не сплю. Припав ухом к земле, прислушиваюсь, не донесутся ли издали какие-нибудь звуки.

Существует ли связь между отдельными пунктами защиты? Выработан ли общий план? Мне говорили, что генерал Ла-Сесилиа, комендант этого района Парижа, хранит эти тайны в кобуре своего седла. Он должен прибыть, чтобы отдать Лисбону последние распоряжения.

Но мы... мы ничего не знаем...

Когда при Коммуне мы захотели вмешаться в военные дела, военная комиссия звякнула шпорами и отослала нас, кого в министерство народного просвещения, кого в другое место, – куда попало.

– Разве вы были когда-нибудь солдатом! Что вы понимаете в этом? Назначена уже особая комиссия, не вставляйте же ей ваших перьев в колеса... Предоставьте действовать специалистам!

А теперь я кусаю себе кулаки.

Где он, этот Ла-Сесилиа? Я не слышу топота его знаменитой черной лошади, которую, как говорят, он любит заставлять приплясывать под собой.

Мне хочется встать, взять первую попавшуюся клячу, вскочить на нее и галопом пуститься по Парижу, рыча от бешенства и призывая народ.

Но это значило бы дезертировать при приближении врага!

Утром разведчики захватили нескольких нарочито оборванных женщин и каких-то типов с подозрительными физиономиями. В оправдание своих ночных шатаний они ссылались на нищету, и когда один из них сказал, что шел в поле поискать чего бы поесть, я, в память своих былых голодовок, помешал его расстрелять. А между тем что-то слишком белы у них руки и... очень уж правильна речь!

Наконец сон одолевает меня... Бросаю последний взгляд, тяжелый и невидящий, на плохо освещенный подвал, где мы впятером или вшестером свалились от усталости на каменном полу, переставая храпеть, когда рядом разрывался снаряд, но не двигаясь с места из-за таких пустяков.

Понедельник. К оружию!

– Вставать! – тормозит нас Лисбон.

– Что-нибудь новое?

– Почти ничего... Неподалеку расположился линейный полк. Да вот, посмотри, ты можешь отсюда видеть красные штаны!

Со сна меня немного лихорадит. По спине пробегает дрожь от утреннего холода. Сердце захлестывает тоска при виде бледного неба.

Где мой шарф?

Вокруг нас собирается народ.

– Скажи им что-нибудь! – шепчет мне Лисбон, оправляя на себе помятый мундир и пристегивая португю.

Я произнес коротенькую речь и, распустив немного пояс на пальто, занял место на углу баррикады. Ланжевен последовал моему примеру.

Лисбон взобрался на груды камней... в него можно целиться с самого конца улицы.

Он тоже произносит несколько революционных фраз и заканчивает жестом римского оратора, закидывающего на плечо край своего пеплума. Но только куртка его слишком коротка, и, как бы он ни тянул ее, ему не поднять ее выше пояса.

Ланжевен удивлен, видя, что я улыбаюсь. По губам моим и в самом деле пробежала усмешка, когда в героя я вдруг обнаружил актера, и одно мгновение я только это и видел на фоне картины битвы, освещенной бледным рассветом.

Но если отбросить его некоторую рисовку, – полковник Лисбон прост, искренен и смел.

Он взбирается еще выше, поднимает свою тирольскую шляпу и, повернувшись в сторону версальцев, кричит: «Да здравствует Коммуна!»

Теперь за дело.

– Здесь чего-то недостает, – замечает один федерат.

– А вон там камни плохо сложены, – говорит другой.

– Достаточно ли у нас патронов? – спрашивает третий.

Но вот со всех сторон раздаются жалобы. Поднимается ропот.

То не пехота открыла по нас огонь, то федераты обстреливают нас словами гнева и упреков.

«Мы измучены. Сколько недель уж торчим здесь... Мы хотим повидать наших жен!.. Не приняты никакие предосторожности!»

И они наперебой указывают на отверстие в баррикаде, на дыру, образовавшуюся из-за недостатка мешков, – проклятую дыру, находящуюся как раз на такой высоте, что солнечные лучи, проникая в нее, заливают ее ярким, белым светом. Через эту дыру улетучится вся храбрость батальона.

Но разве дело в недостатке храбрости?

Нет! Их грызет тоска по семье. Им хочется поцеловать малюток, приласкать жену, прежде чем броситься в неизвестность решительной битвы на мостовой Парижа, где они предпочтут умереть, если уж все будет кончено.

Это не солдаты, привыкшие к своей казарме, не регулярные войска. У всех у них семьи, и они совершенно неприспособлены к жизни в лагерях и на бивуаке.

К тому же их пугает наше невежество в военном деле; они не верят, чтобы эти два представителя правительства, токарь и журналист, и даже этот полковник – бывший актер – были в силах противостоять настоящим офицерам, окончившим Сен-Сирскую школу, явившимся из Алжира загорелыми, закаленными, дисциплинированными, вышколенными.

Мы оттиснуты толпой. Нас загоняют под какой-то навес и там с гневными жестами осыпают отрывистыми фразами.

– Где распоряжения? Какой выработан план?..

Они громко выкрикивают то, что я тихонько говорил самому себе, припав ухом к земле в ожидании топота лошади Ла-Сесилиа.

– Вам лучше бы убраться, – говорит мне Лисбон, – они способны поставить вас к стенке. Меня они все-таки знают, немножко любят, я постараюсь их удержать.

– Извозчик!

– Пожалуйте!

– Вам не страшно там, на ваших козлах, приятель?

– Страшно?! Я из Бельвилля! И хорошо вас знаю. Но! Поехали!

Пули свистят, кляча выгибает спину, возница наклоняется ко мне и начинает болтать.

– Им ни за что не войти, гражданин... если каждый будет как следует защищать свой квартал.

Эта-то идея нас и убьет! Каждый квартал отдельно!.. Социальной революции придется отступить.

Войска стреляли от Трокадеро по направлению к Марсову полю. Военная школа опустела, также и военное министерство.

Я взбираюсь по лестницам, ломлюсь в двери.

Никого!

Внизу суматоха поражения.

– Все в ратуше, – крикнул мне из-под сводов один капитан.

– Надо идти туда, – говорят офицеры, свертывая на Гревскую площадь.

Несколько решительных преградили нам дорогу.

– Не пройдет! – кричат они.

У одного из них волосы развеваются по ветру, рукава засучены, на обнаженной волосатой груди запеклась кровь. Он только что получил удар штыком и направляет теперь свой против толпы.

– Ни с места!

Он готов разить всех подряд.

Но людской поток унес его, вместе с его оружием, как крошку мяса, как металлическую стружку, прежде чем он успел крикнуть, сделать хоть одно движение. Слышен был лишь гул толпы, как будто шло по пыльной дороге стадо буйволов.

Ратуша

Они и в самом деле здесь. Ла-Сесилиа и еще человек двадцать – корпусные командиры, члены Коммуны.

Лица сумрачны; говорят вполголоса.

– Все погибло!

– Вбейте назад в вашу глотку эти слова, Вентра! Нужно, напротив, кричать народу, что город станет могилой для войска, вдохнуть в него мужество, призывать его строить баррикады.

Я рассказываю, что видел.

– У Версальских ворот они, возможно, и колебались, но вы увидите, что в Париже они продержатся против солдат до тех пор, пока у них будут патроны и снаряды.

В Париже? Но что говорит этот Париж?..

С самого раннего утра я видел лишь картину поражения.

Полдень

Где только была моя голова! Я думал, что город будет казаться мертвым еще до того, как будет убит! Но вот вмешиваются женщины и дети. Красивая девушка водружает совершенно новое красное знамя, и оно пылает над серыми камнями, точно красный мак на развалинах.

– Ломайте мостовую, гражданин!

Всюду горячка, вернее – здоровое возбуждение. Ни криков, ни пьяных. Изредка кто-нибудь подбежит к стойке и тут же, наскоро вытерев тыльной стороной руки губы, возвращается к работе.

– Мы постараемся устроить сегодня хороший денек, – говорит мне один из утренних крикунов. – Вы только что усомнились в нас, товарищ. Приходите-ка сюда, когда здесь станет жарко, и вы увидите, имеете ли вы дело с трусами.

Красные знамена развеваются... Теперь можно умереть.

И никаких начальников. Никого, на чьем кепи блестели бы четыре серебряных галуна, кто был бы опоясан хотя бы шарфом Коммуны с золотой кисточкой.

Мне тоже хочется снять свой шарф, чтобы не казалось, что я пришел сюда распоряжаться, когда все уже сделано. Впрочем, на него никто не обращает внимания.

– Ваше место не здесь, – резко сказал мне федерат с морщинистым лицом. – Разыщите остальных, устройте совещание, примите какое-нибудь решение. Неужели вы еще ничего не приготовили, черт возьми?.. Пушку сюда, Франсуа! Эй, тетка, патроны клади там!

Я не стою этой женщины, катящей ядра, и этого парня, устанавливающего пушку. А как носитель шарфа я и вовсе не иду в счет.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 2 мая 2026 13:46:47

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 2 мая 2026 13:48:51